

Лешек Оссовски

Современное русское побочное ударение в свете словесного ударения

Studia Rossica Posnaniensia 1, 141-146

1970

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

JEZYKOZNAWSTWO

ЛЕШЕК ОССОВСКИ

Познань

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ПОБОЧНОЕ УДАРЕНИЕ В СВЕТЕ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ

Как известно, Р. И. Аванесов первый обратил внимание на существование в современном русском языке побочного ударения. В разделе „Безударные и слабоударяемые слова” своей известной работы *Ударение в современном русском литературном языке* он пишет: „Нормальное словесное ударение имеют самостоятельные слова, безударными могут быть прежде всего слова служебные и частицы; однако те из них, которые велики по объёму, многосложны, могут иметь побочное ударение [разрядка наша — Л. О.], т.е. быть слабоударяемыми” (цит. работа, стр. 45. Страницы в этой статье даются по второму изданию, опубликованному в Москве в 1958 г.).

В разделе „Слова с побочным ударением” цитируемой уже работы Аванесов сообщает: „нормально каждое самостоятельное слово имеет ударение, и притом одно. Однако имеются слова, обычно многосложные, большие по объёму, а также сложные по составу, которые имеют (или хотя бы могут иметь) два ударения — наряду с основным, обычным, словесным ударением, второе — побочное [разрядка наша — Л. О.], более слабое... Вопрос о побочном, втором ударении слова совершенно не изучен. Поэтому ниже мы ограничимся лишь несколькими предварительными замечаниями” (цит. работа, стр. 46).

Итак, имея в виду два последних предложения, из которых следует, что проблема побочного ударения совершенно не изучена, а также то, что Аванесов ограничился лишь несколькими предварительными замечаниями, мы рассмотрим побочное ударение со стороны словесного ударения.

Так, современное русское словесное ударение служит для различения в одних оппозициях лексических значений (ср. род. ед. *му́ки* с род. ед. *му́ки*), в других оппозициях — грамматических значений (ср. род. ед. *руки́* с им.-вин. мн. *ру́ки*), в некоторых же оппозициях — лексических и грамматических значений одновременно (ср. *пи́ли* [дрова] с *пи́ли* [водку]). Следовательно, словесное ударение в современном русском языке обладает функцией как дистинктивной, т.е. фонологической, так и грамматической, или морфолого-синтаксической.

В отличие от словесного побочное ударение не служит для различения ни лексических, ни грамматических значений. Побочное ударение не служит для различения грамматических значений, поскольку оно не может быть подвижным в пределах парадигмы склонения. Побочное ударение в современном

русском языке — только лишь фонетическое явление, обозначающее в фонологическом и грамматическом отношениях отсутствие ударения.

То, что в современном русском языке только словесное ударение является ударением фонологическим, а побочное ударение — фонетическим, доказывает и тот факт, что только побочное ударение можно предвидеть, оно характеризуется предсказуемостью (predictability). Его можно предвидеть, зная место появления словесного ударения, которое в свою очередь уже нельзя предвидеть. Так, например, слово *железо* выступает с одним ударением, которое является словесным, в то время как слово *железобетон* можно охарактеризовать уже наличием двух ударений — словесного и зависимого от него побочного ударения. Вслед за Аванесовым мы обозначаем побочное ударение знаком грависа ` в отличие от словесного ударения, обозначаемого знаком акута ´.

Словесного ударения нельзя предвидеть, так как в русском языке имеются слова, которые, будучи грамматически однородными, являются акцентологически разнородными. Так, например, существительные *рука, земля, свеча, стрела, строка, изба, волна*, относящиеся к одному склонению, представляют семь типов подвижности, а именно:

1. Ед. им. *рука́*, вин. *ру́ку*; мн. им.-вин. *ру́ки*, дат. *рука́м*;
2. Ед. им. *земля́*, вин. *зе́млю*; мн. им.-вин. *зе́мли*, дат. *зе́млям*;
3. Ед. им. *свеча́*, вин. *свечу́*; мн. им.-вин. *свечи́*, дат. *свеча́м*;
4. Ед. им. *стрела́*, вин. *стрелу́*; мн. им.-вин. *стрелы́*, дат. *стрела́м*;
5. Ед. им. *строка́*, вин. *строку́* и *стро́ку*; мн. им.-вин. *стро́ки*, дат. *строка́м*;
6. Ед. им. *изба́*, вин. *избу́* и *и́збу*; мн. им.-вин. *и́збы*, дат. *и́збам*;
7. Ед. им. *волна́*, вин. *волну́*; мн. им.-вин. *во́лны*, дат. *волна́м* и *во́лнам*.

Акцентуация этих семи существительных была определена нами на основе одного источника, которым является *Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник* Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, Москва 1959 г.

Приведем ещё другой пример. Существительные *сестра* и *тюрьма*, имея в своей парадигме одинаковые окончания и ударения, различаются акцентологически только в родительном падеже множественного числа: ед. им. *сестра́* и *тюрьма́*, вин. *сестру́* и *тюрьму́*; мн. им. *се́стры* и *тю́рьмы*, дат. *се́страм* и *тю́рьмам*, но в род. мн. при одинаковом нулевом окончании выступают уже разные ударения: *сестёр*, но *тю́рем*.

Определяя побочное ударение как фонетическую единицу, обозначающую в фонологическом и грамматическом отношениях отсутствие ударения, мы имеем также в виду его факультативность, т.е. такое свойство побочного ударения, когда оно в отличие от словесного ударения может, но не обязательно должно появляться в слове. Однако имеются слова, и это следует подчеркнуть, в которых постоянно выступает побочное ударение.

На факультативность побочного ударения обратил внимание Аванесов, который писал в упомянутой уже работе: „Во многих случаях [разрядка

наша — Л. О.]... побочное ударение является факультативным [разрядка наша — Л. О.]: оно имеется в более отчетливом произношении и отсутствует в более беглом или имеется в произношении одних лиц и отсутствует в произношении других” (цит. работа, стр. 56).

Так, для примера можно привести вслед за Аванесовым предложные обороты, в которых побочное ударение может, но не обязательно должно появляться на предлоге: *пéред отхóдом* и *перед отхóдом*, *мéжду городáми* и *между городáми*, *чéрез окнó* и *через окнó* (цит. работа, стр. 41 - 42).

Однако в современном русском языке существуют и такие предложные обороты, на что обратил внимание Аванесов, которые всегда характеризуются наличием побочного ударения на предлоге. Например, сюда относятся, по Аванесову, некоторые двусложные и многосложные предлоги, которые произошли из наречий: *бéгали кругòм дóма*, *сидéли ðколо дóма*, *стал попере́к доро́ги* (цит. работа, стр. 42).

О том, что побочное ударение — только фонетическое явление свидетельствует также тот факт, на который обратил внимание Аванесов, что если в слове имеется несколько побочных ударений, то они не одинаковы, а различаются степенью ослабления. Так, в словах типа *трéхсòтлétний*, *четырёхсòттýсýчный*, по Аванесову, первое побочное ударение более ослаблено по сравнению со вторым, которое в свою очередь представляет большее ослабление, чем последнее ударение, являющееся словесным ударением. Причём, как следует из дальнейших наблюдений Аванесова (ср. слово *электромáшиностроение*), не всегда различия в степени ослабления между побочными ударениями укладываются по формуле, данной Аванесовым, $(1+2)+3$, в которой цифры 1, 2, 3 обозначают: наиболее ослабленное побочное ударение (1), менее ослабленное побочное ударение (2) и главное, или словесное, ударение (3). В слове же *электромáшинóстроéние*, как считает Аванесов, первое побочное ударение является более сильным, чем второе потому, что данное слово образовалось из сочетания элемента *электро-* со словом *мáшиностроение* (цит. работа, стр. 55 и 57).

И в таких случаях, как только что приведенные выше, мы снова наблюдаем основное различие, которое выступает между словесным и побочным ударениями. Речь идёт о том, что словесное ударение, как говорит само название этого ударения, может быть в слове только лишь одно. В русском предложении имеется столько самостоятельных слов, сколько имеется главных ударений, т.е. словесных. Иначе говоря, русское словесное ударение определяет количество слов в предложении. Вместе с тем побочных ударений в пределах одного слова может или вообще не быть (например, *земледéлец*), может быть только одно побочное ударение (например, *зёмлевладéлец*) или же два (например, *вòдогрýзельчéбница*) и даже три (например, *двухсòтсорóкчéтырёхмéтровýй* или *стáсорóкáвосьмиднёвный*). Примеры взяты нами из цитируемой работы Аванесова.

Для полной характеристики побочного ударения следует ещё добавить, что, только в пределах ударения словесного, ударения, различаясь друг от друга, могут противопоставляться друг другу (явление оппозиции) или же, если разница между ними исчезает, они могут отождествляться, идентифицироваться (явление нейтрализации). Так, например, словесные ударения противопоставляются друг другу в им. ед. *голова́*: *ко́рва* или в род. ед. *карандаи́ш*: *тарака́на*. Между тем нет уже оппозиции, т.е. имеется нейтрализация, в род. мн. *голо́в* и *ко́ров* или в им. ед. *карандаи́ш* и *тарака́н*.

Ударение им. ед. *карандаи́ш* и *тарака́н* или род. мн. *голо́в* и *ко́ров* является двусмысленным: оно может обозначать нейтрализованную окситонезу или нейтрализованную баритонезу. Нейтрализованная окситонеза выступает в им. ед. *карандаи́ш* и в род. мн. *голо́в* в связи с ударением род. ед. *карандаи́ш* и дат. мн. *голова́м*. Нейтрализованная баритонеза касается им. ед. *тарака́н* и род. мн. *ко́ров* в связи с ударением род. ед. *тарака́на* и дат. мн. *ко́ровам*.

Побочные ударения не противопоставляются друг другу, а также не отождествляются между собою, не идентифицируются. А следовательно, в побочном ударении нет ни оппозиции, ни нейтрализации.

Вместе с тем между побочным и словесным ударением существует уже оппозиция. Побочные ударения могут противопоставляться словесным ударениям. Это происходит потому, что в определенных случаях словесные ударения могут превратиться в побочные. На это уже обратил внимание Аванесов, который считает, что словесное ударение числительных, выступающее в формах *трёхсо́т*, *четырёхсо́т* переходит в побочное ударение в сложных прилагательных: *трёхсо́тлётный*, *четырёхсо́ттýсýчный* (цит. работа, стр. 55).

Опираясь на примерах, приведенных Аванесовым (цит. работа, стр. 42), следует ещё добавить, что переход наречия в предлог одновременно сопровождается превращением словесного ударения, выступающего на наречии, в побочное ударение, находящееся на предлоге, образованном из наречия. Ср., например: [скажу́] *пóсле* со [скажу́] *пóсле* [уро́ка], [прошлѝ] *мѝмо* с [эхали] *мѝмо* [деревни́], [живѣт] *о́коло* (т.е. близко) с [сидѣли] *о́коло* [до́ма], [осмотрѣлся] *крузо́м* с [бѣгали] *крузо́м* [до́ма], [живѣт] *напрóтив* с [остановѝлись] *напрóтив* [избы́], [режь] *поперѣ́к* со [стал] *поперѣ́к* [дорóги].

Итак, в результате перехода словесного ударения в побочное появляется оппозиция, в которой побочное ударение противопоставляется словесному ударению. О наличии оппозиции побочного ударения со словесным ярко свидетельствуют сопоставления типа [трѣх]со́т[лѣтний] и [трѣх]со́т или типа [стал] *поперѣ́к* [дорóги] и [режь] *поперѣ́к*. Эта оппозиция на фонологическом уровне характеризуется тем, что только второй член этой оппозиции может выступать с ударением (словесное ударение является фонологическим), первый же выражает только его отсутствие, т.е. ноль (побочное ударение является

фонетическим). Следовательно, фонологически здесь имеется оппозиция — нулевое ударение: ударение. Подобное явление наблюдается в морфологии, среди окончаний: нулевое окончание может противопоставляться полному окончанию. Ср., например: [полк] *гусар* и [трѣх] *гусаров*.

В связи с превращением словесных ударений в побочные следует отметить, что обратный процесс, основанный на переходе побочных ударений в словесные, места не имеет.

Обращаясь к наблюдениям Аванесова, высказанным на стр. 6 - 9, 42 и 44 цитируемой уже работы, следует ещё добавить, что только словесное ударение (а не побочное) может стать в предложении логическим ударением, т.е. ударением, охватывающим речевые такты, из которых состоит высказывание (в терминологии Аванесова это тактовое ударение) или же ударением, касающимся уже всего высказывания, т.е. фразы (у Аванесова фразовое ударение). Причем следует особо подчеркнуть, что из приведенных примеров следует, что термин фраза обозначает у Аванесова предложение. Ср., например, следующее высказывание Аванесова: „Даже не зная русского языка, т.е. не понимая отдельных слов и смысла целого, прослушав фразу [разрядка наша — Л. О.] из *Дубровского* Пушкина: *На другой день вѣсть о пожаре разнеслась по всему околотку* — возможно установить, что в ней семь самостоятельных слов, потому что во фразе [разрядка наша — Л. О.] семь ударений” (цит. работа, стр. 10). А следовательно, фразовое ударение соответствовало бы ударению предложения.

В заключение мы хотели бы ещё отметить, что в отличие от словесного ударения, которое в современном русском языке вместе с апофонией является субморфемой или дополнительной (акцессорной) морфемой, побочное ударение, будучи только лишь фонетическим ударением, не является уже семантической единицей, поскольку оно ничего не значит. Побочное ударение можно считать морфемой, как это имеет место с соединительной гласной, выступающей в сложных словах, с той существенной разницей, что побочное ударение будет уже только субморфемой или акцессорной морфемой.

Кроме того, можно заметить, что побочное ударение в отличие от словесного вообще не обозначено в словарях современного русского языка. Исключения составляют только такие слова, в которых побочное ударение находится на гласной *о*, выступающей после мягкой согласной (графически буква *ѳ*). Это замечание не относится, конечно, к словарю Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова *Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник*, в котором наряду со словесным ударением постоянно отмечается и побочное ударение.

CONTEMPORARY RUSSIAN SECONDARY STRESS IN THE LIGHT OF WORD STRESS

by

LESZEK OSSOWSKI

Summary

The difference between the word stress and the secondary stress consists in the fact that the word stress is used to differ the lexical, grammatical and stylistic meanings and in this way it can fulfil both the distinctive (phonemic) and the grammatical (morpho-syntactical) functions. The secondary stress is merely a phonetic phenomenon; in the phonemic, grammatical and stylistic levels it denotes the lack of stress.

Unlike the word stress the secondary stress can be foreseen if we only know the place of the word stress. In the field of the word stresses there appears both the opposition and the neutralization, which phenomena do not exist among the secondary stresses. An opposition exists, however, between the word stress and secondary stress since a word stress can be changed into a secondary stress. As a matter of fact only the word stress can be the logical stress in a sentence.

The word stress together with the apophony is a kind of submorpheme or accessory morpheme, whereas the secondary stress may be considered as a submorphophoneme or an accessory morphophoneme.